

центра создания общего фонда межславянской литературы в средние века.

Р. А. Наследова в докладе «О чаше Крума и болгаро-славянских взаимоотношениях в начале IX в.» попыталась заново проанализировать содержащийся в «Хронографии» Феофана известный рассказ о так называемой чаше Крума, который в историографии обычно приводится как доказательство установления уже в самом начале IX в. дружественного союза между Болгарией и заселявшими прилегавшие к ней земли славянами, как свидетельство роста осознания последними своего этнического родства со славянским большинством населения Болгарского государства. По мнению Р. А. Наследовой, точный перевод всего пассажа Феофана о чаше Крума, как и показания других современных источников, заставляет внести коррективы в трактовку подобного рода. В своих взаимоотношениях с Болгарией в начале IX в. Славинии руководствовались в первую очередь стремлением отстоять свою независимость как от Византии, так и от Болгарского государства, их союз с Болгарией был продиктован соображениями собственной выгоды; присоединение Крумом Славиний к Болгарии было осуществлено военной силой, а не на добровольных началах.

М. Ю. Брайчевский предпринял попытку переадресовать упоминаемое В. Н. Татищевым (со ссылкой на «Хрущевскую» и «Раскольничью» летописи) письмо патриарха Фотия киевскому князю Владимиру Святому и митрополиту Михаилу Сирину, содержащее возражения против контактов с Римом и критику «латинской ереси». Докладчик на основе историколингвистического анализа этого и других документов, сюжетно соединивших имена Фотия, Михаила Сирина и киевского князя Владимира, высказал гипотезу о том, что в действительности письмо было адресовано не Владимиру Святославичу, жившему столетием позже Фотия и назначенного им на Русь митрополита, а кагану Аскольду, занимавшему киевский престол во время первого понтификата патриарха; все эти документы, по убеждению докладчика, были составлены после первого крещения Руси в 860 г., но позже, в середине XI в., передатированы и переадресованы книжниками Ярослава Мудрого, подготовлявшими канонизацию Владимира.

В зачитанном на сессии (за отсутствием автора) докладе Т. Чернышевой «Композиция „Дигениса Акрита“ и „Девгениево деяние“» доказывалось на основании анализа и сопоставления суммарных текстов византийского эпоса о Дигенисе Акрите с его восточнославянской версией — «Девгениевым деянием» — соответствие этих двух памятников. Особенности «Девгениева деяния» по сравнению с «Дигенисом Акритом» объясняются, по мнению Т. Чернышевой, тем пониманием греческого текста и тем художественным чутьем, которыми обладал переводчик; византийский эпос на Руси с необходимостью трансформировался в русский богатырский эпос свадебного типа.

Доклад О. А. Белобровой был посвящен одному из произведений византийской агиографии — Житию Феодора Едесского (IX в.). Докладчица проследила судьбу этого памятника византийской культуры на русской почве начиная со времени славяно-русского его перевода по спискам XIV—XV вв. (включение Жития Феофана Едесского в Великие Минеи Четьи, создание цикла миниатюр к Житию в традициях книгописной мастерской Ивана Грозного, переписка Жития в древнерусские сборники XVII—XVIII вв.).

П. А. Раппопорт выступил с докладом «Из истории киево-черниговского зодчества XII в. (К вопросу о русско-византийских архитектурных связях)». Отметив, что в развитии киевского зодчества первой половины XII в. наблюдается резкий перелом, сказавшийся как в строительной технике, так и в декоративных элементах зданий и даже их композиции, и напомнив, что последним известным памятником раннего типа считается церковь Спаса на Берестове, построенная до 1125 г., а первым памятником нового типа — Кирилловская церковь, сооруженная в самом на-